

УДК: 821.161.1:82 – 31

К.ф.н., доцент Тереховська Олена Володимирівна
Прикарпатський національний університет ім. Василя Стефаника
Кафедра світової літератури і порівняльного літературознавства

Гоголевские аллюзии в романе И.А.Гончарова «Обломов» (материалы к изучению романа в ВУЗе)

Роман И.А.Гончарова «Обломов» был опубликован в 1859 году в журнале «Отечественные записки», и современники (Л.Н.Толстой, Н.А.Добролюбов) сразу предсказывали ему длительную жизнь. Роман действительно имел не временный успех. Этот успех был подготовлен всей предшествующей литературной традицией, у истоков которой стояли такие гении художественной культуры и общественной мысли, как А.С.Пушкин, Н.В.Гоголь, В.Г.Белинский. Они формировали нравственные воззрения и эстетические вкусы Гончарова.

Сам Гончаров говорил, что наибольшее влияние оказал на него Пушкин, что он «воспитался его поэзией», что Гоголь на него повлиял «гораздо позже и меньше. «Но в то же время, – по справедливому наблюдению В.А.Десницкого, – он не противопоставляет пушкинское влияние гоголевскому как исключаяющее» [4; 294]. Утверждая, что «объективностью своих образов» Гоголь обязан Пушкину, Гончаров утверждал, что «от Пушкина и Гоголя в русской литературе теперь еще пока никуда не уйдешь».

Отражение пушкинской стихии в творчестве Гончарова безусловно. Это, прежде всего, «прелесть, строгость и чистота формы», прямая преемственность в разработке образов (в частности женских), чистый, правильный, легкий, свободный, льющийся язык». «Рассказ г. Гончарова в этом отношении не печатная книга, а живая импровизация», – писал В.Г.Белинский (в связи с «Обыкновенной историей»). И дальше: «Он

(Гончаров) поэт, художник – и больше ничего... Из всех нынешних писателей он один, только он один приближается к идеалу чистого искусства... У г. Гончарова нет ничего, кроме таланта; он больше, чем кто-нибудь теперь, поэт-художник» [1; 344, 326]. В этом высоком похвальном отклике Белинский явно намекает, что Гончаров и его талант (прежде всего в вопросе языка) имеет прямого предшественника в лице Пушкина.

Несколько иное художественное явление представляет следующий роман писателя – «Обломов». Этот роман во многом являет собой результат художественного переосмысления автором не пушкинской, а гоголевской творческой манеры. Приведем некоторые аргументы в пользу этого суждения.

Первая часть романа, включая и «Сон Обломова», представляет собой весьма развернутый «физиологический очерк» в духе традиций «натуральной школы», главой которой, как известно, был Гоголь. В основе подобного рода очерков всегда лежали конкретные наблюдения над малоизвестной областью жизни и тщательная обрисовка социального типа, который обычно обозначался в самом заглавии произведения. Как справедливо пишет В.И.Кулешов, «Натуральная школа» уже описала «петербургские углы», где ютилась беднота (Некрасов), «петербургские вершины», то есть чердаки (Бутков), «петербургских дворников» (Даль), «петербургских шарманщиков» (Григорович) <...> теперь внимание «натуральной школы» по заветам того же Гоголя, было обращено на провинциальную, дворянскую и чиновничью Россию» [5; 95].

Достоинство «Сна Обломова» и всей первой части романа состоит в том, что Гончаров выбрал в качестве предмета пристального изучения и изображения «физиологию» «барина» или «барича», то есть тип человека, принадлежащего к господствующему в государстве сословию, сословию «голубой крови». Вслед за гоголевскими «старосветскими помещиками», за всеми этими провинциальными «иванами ивановичами» и «иванами Никифоровичами», живущими примитивной растительной жизнью, «без

всякого ума», Гончаров создает свой тип деградирующего русского дворянина, детально показывая, что с детских лет ему мешает нормально расти «обломовщина»: лучшие его порывы пресекались, исподволь и прямо его учили тунеядству, и в результате, «неумение одевать чулки кончилось неумением жить». «Гончаровым воспроизводится вся совокупность мелочей, которая губит хорошего человека», – отмечает В.И.Кулешов [5; 96].

Очевидно, что приемы «физиологического очерка», заимствованные у «натуральной школы» и примененные Гончаровым к изображению русского «барства», были новым словом в литературе. С их помощью автор показывает, как зло крепостничества преследует человека от самого его рождения, как заметны его следы во всех порах жизни и помыслах героя. Показателен в этом отношении «Сон Обломова», в котором также заметны приемы и интонации творческой манеры Гоголя. Это отголосок некой мечты о «благословенном крае», которому бы цвести и изобиловать богатырями. Автор копирует Гоголя, прибегая к гиперболам: посреди этого богом забытого края там-сям деревеньки, «как будто случайно брошенные гигантской рукой, и рассыпались в разные стороны, да с тех пор и остались» [3; 116]. Жизнь в этой глухомани полна курьезов: Тарас-кузнец запарился в землянке, крестьянская вдова Марина Кулькова родила зараз четырех младенцев, «из преступлений одно: кража гороху, моркови и репы по огородам, ... да однажды вдруг исчезли два поросенка и курица – происшествие, возмущившее весь околоток...» [3; 118]. Суеверия и поверья, дикие объяснения снов, предчувствий и явлений природы, самые нелепые распоряжения помещика-хозяина безответной, суевающейся прислуге. Обломовка объедалась, спала и, крестя зевающие рты, провожала день за днем, не желая никаких перемен. «Забота о пище – была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась! ... Индейки, цыплята, гуси... Какие меды, квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке» [3; 123-124]. А посреди этой прозы опять у Гончарова гоголевская патетика: «Полдень

знойный; на небе ни облачка. Солнце стоит неподвижно над головой и жжет траву» [3; 124]. И более глубокая: в предугадывании высокого назначения человека, так захаянного, обрекшего себя на прозябание.

Гоголевская комическая черта проглядывает также в обрисовке внешних портретов и характеров персонажей. Вот как рисует Гончаров портрет Ильи Ильича: «Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи. И поверхностно-наблюдательный, холодный человек, взглянув мимоходом на Обломова, сказал бы: «Добряк должен быть, простота!». Человек поглубже и посимпатичнее, долго вглядываясь в лицо его, отошел бы в приятном раздумье с улыбкой.

Цвет лица у Ильи Ильича не был ни румяный, ни смуглый, ни положительно-бледный, а безразличный, или казался таким, может быть, потому что Обломов обрюзг не по летам» [3; 21-22]. Прямой переключки ни с одним из гоголевских персонажей этот портрет не имеет, но гоголевские комические интонации, намеки и полунамеки в гоголевском духе здесь налицо.

Другое дело – портрет Алексеева: внимательный читатель сразу установит в нем сходство с гоголевским Маниловым. У Гончарова Алексей: «Вошел человек неопределенных лет, с неопределенной физиономией, в такой поре, когда трудно бывает угадать лета; не красив и не дурен, не высок и не низок ростом, не блондин и не брюнет. Природа не дала ему никакой резкой, заметной черты, ни дурной, ни хорошей. Его многие называли Иваном Ивановичем, другие – Иваном Васильичем, третьи – Иваном Михайлычем... Остроумия, оригинальности и других особенностей, как особых примет на теле, в его уме нет... Симпатичен ли такой человек? Любит ли, ненавидит ли, страдает? Должен бы, кажется, и любить, и не любить, и страдать, потому что никто не избавлен от этого. Но он как-то ухитряется всех любить. ... Богатым его нельзя назвать, потому что он не богат, а скорее беден; но решительно бедным тоже не назовешь, потому,

впрочем, только, что много есть беднее его... Даже Захар... долго думал, долго ловил какую-нибудь угловатую черту, за которую можно бы было уцепиться, в наружности, в манерах или в характере этого лица, наконец, махнув рукой, выражался так: «А у этого ни кожи, ни рожи, ни ведения!» [3; 45-46]. У Гоголя Манилов: «... вот эти все господа, которых много на свете, которые с вида очень похожи между собою, а между тем как приглядишься, увидишь много самых неувимых особенностей – эти господа страшно трудны для портретов...» И далее: «Один бог разве что мог сказать, какой был характер Манилова. Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то, ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан, по словам пословицы... В первую минуту разговора с ним не можешь не сказать: какой приятный и добрый человек. В следующую за тем минуту ничего не скажешь, а в третью скажешь: Черт знает что такое! И отойдешь подальше... От него не дождешься никакого живого, или даже заносчивого слова... словом у всякого есть свое, а у Манилова ничего не было» [2; 271-272]. Сходство очевидно. Создается даже впечатление, что речь идет об одном и том же персонаже. Собственно это и хотели подчеркнуть оба автора: не все ли равно, как его зовут, где и когда он жил или живет, если это тип бесхарактерного, безликого существа, от присутствия или отсутствия которого ничего не изменится все равно. Это тип людей, живущих бесследно, бесполезно, бессмысленно. Но более всего волнует обоих авторов не то, что такой тип есть, а то, что людей, принадлежащих к этому типу, к сожалению, много. «Маниловы» и «алексеевы» не переводятся, они всегда рядом с нами.

Давая портрет и характер своего героя, Гончаров рисует и обстановку, в которой он живет, с которой сливается, которая еще полнее характеризует его, составляя тем самым «внешнюю оболочку его сущности». «И здесь Гончаров и по существу самого приема, и по деталям изображения обстановки идет от Гоголя», – пишет В.А.Десницкий [4; 297]. У Гончарова кабинет Обломова: «Вид кабинета... поражал господствующею в нем запущенностью и небрежностью. По стенам, около картин, лепилась в виде

фестонов паутина, напитанная пылью... Ковры были в пятнах... На этажерках... лежали две-три развернутые книги, валялась газета, на бюро стояла и чернильница с перьями; но страницы, на которых развернуты были книги, покрылись пылью и пожелтели; видно, что их бросили давно; номер газеты был прошлогодний, а из чернильницы, если обмакнуть в нее перо, вырвалась бы разве только с жужжаньем испуганная муха» [3; 23]. У Гоголя дом Манилова: «В его кабинете всегда лежала какая-то книжка, заложенная на 14-й странице, которую он постоянно читал уже два года. В доме его чего-нибудь вечно не доставало, и кресла стояли обтянутые просто рогожею... В иной комнате и вовсе не было мебели, хотя и было говорено в первые дни после женитьбы: «Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель». В вечеру подавался на стол очень щегольский подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги» [2; 273]. Сходство обстановки очевидно, как очевидно и то, что лень, равнодушие и безответственность являются отличительными чертами хозяев этих кабинетов.

Между тем, не только первое знакомство с Обломовым, описание его «среды обитания» и обрисовка портрета Алексеева заставляют невольно вспомнить Манилова и гоголевские приемы письма. Достаточно вспомнить мечтания Обломова, в которых также много маниловского. По справедливому наблюдению В.А.Десницкого, «В дальнейшем ходе романа с постепенным выявлением душевного облика Обломова наряду с Маниловым, постепенно вытесняя его, пред нами встает образ Тентетникова, с его душевным развитием, с его службой в прошлом, с порывами к труду, с его облагороженными мечтаниями о дружбе, любви, об идеале семейственного счастья, а иногда вспоминается даже Чичиков» [4; 298]. Таким образом, Обломов вобрал в себя характерные черты сразу нескольких гоголевских

персонажей, проявляя их в той или иной степени в зависимости от жизненной ситуации.

Прямая связь с творчеством Гоголя прослеживается и на сюжетном уровне. Показательно в этом отношении наблюдение Л.М.Лотман: «Костяк событий, изображенных в романе, складывается из двух сюжетных узлов. Первый сюжет в своем глубинном основании близок к «Женитьбе» Гоголя» [6; 174]. Действительно, возлежание Обломова в «просторном азиатском халате», препирательства Обломова с Захаром, врывающиеся к Обломову гости с вестями, предложениями, попреками в ничегонеделании перекликаются с мотивами «Женитьбы». И Подколесин «все сидит в халате», подолгу беседует с крепостным слугой, желает жениться и испытывает страх перед пересудами. Даже сам тип барина-лежебоки Обломова имеет трех литературных предшественников в творчестве Гоголя – Иван Никифорович, Тентетников, Подколесин.

Гоголевский комизм проглядывает в обрисовке внешнего портрета Захара: его лицо напоминало блин, и когда он недоверчиво ухмылялся, то бакенбарды расходились вширь. Типично гоголевские подробности ощущаются в описании многократных спрыгиваний Захара с лежанки по зову хозяина с хрипением: «Ах ты, владычица небесная!» Есть тут и чрезвычайно характерная для изображений Гоголя вздорная логика лакейских утверждений и саморазоблачений с характерной инерцией перечислений, приобретающих вид настоящей логики: «у меня и блохи есть!», и «нечистоту не я выдумал», и «мышей не я выдумал», «этой твари, что мышей, что клопов, – везде много», «да и что за спанье без клопа!» Или: «а где немцы сору возьмут!», и затем выпад против скаредного немецкого жителя. Как справедливо отмечает В.И.Кулешов, «саморазоблачение в гоголевском духе характерно и для главного героя, Ильи Ильича, который, глядя на Захара, про себя думает: «Ну, брат, ты еще больше Обломов, нежели я сам».

Очевидно, что гоголевские аллюзии в романе «Обломов» проявляются разноаспектно: на сюжетно-фабульном уровне, в обрисовке портретов и характеров персонажей, в описании их образа мыслей и чувствований, в жанрово-стилистическом отношении. Это свидетельствуют о глубоком внимании Гончарова к творчеству Гоголя, из которого автор «Обломова» почерпнул творческие импульсы для осуществления своей самостоятельной художественной задачи.

Литература:

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. – Т. X. / В.Г.Белинский. – М.: Издательство АН СССР, 1956.
2. Гоголь Н.В. Сочинения в двух томах. Т.2. Драматические произведения. Мертвые души /Н.В.Гоголь. – М.: Худож. лит., 1969. – 623 с.
3. Гончаров И.А. Обломов. Роман в четырех частях /И.А.Гончаров. – М.: Худож. лит., 1984. – 493 с.
4. Десницкий В.А. Избранные статьи по русской литературе XVIII-XIX вв. /В.А.Десницкий. – Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1958. – 402 с.
5. Кулешов В.И. Роман – «знамение времени» («Обломов» И.А.Гончарова) /В.И.Кулешов //Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы. – М.: Дет. лит., 1981. – С. 91-120.
6. Лотман Л.М. И.А.Гончаров /Л.М.Лотман //История русской литературы в 4-х т. – Т.3 Расцвет реализма. – Л.: Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, 1982. – С. 160-203.

Аннотация

В статье речь идет о концептуально-содержательных и художественно-эстетических аллюзиях Гоголя в романе И.А.Гончарова «Обломов». Доведена контактно-генетическая связь на уровне художественных образов,

установлены сюжетно-фабульные реминисценции, определены жанрово-композиционные и стилистические параллели.

Ключевые слова: аллюзия, реминисценция, портрет, контактно-генетическая связь, художественный образ, сюжетно-фабульный аспект.

Анотація

У статті йдеться про концептуально-змістові та художньо-естетичні алюзії Гоголя у романі І.О.Гончарова «Обломов». Доведено наявність контактно-генетичного зв'язку на рівні художніх образів, з'ясовані сюжетно-фабульні ремінісценції, визначені жанрово-композиційні та стилістичні паралелі.

Ключові слова: алюзія, ремінісценція, портрет, контактно-генетичний зв'язок, художній образ, сюжетно-фабульний аспект.